

формациям, в которых экспрессивно окрашенная лексика приравнивается к экспрессивно окрашенной фразеологии: Colonel Heavytop took off three bottles of that you sent me down under his belt (Thackeray) — "Полковник Хевитоп вылакал три бутылки из тех, что вы послали мне прошлый раз"; Then the report would come — the new governess is a rare manager. Sir Pitt be very sweet on her (Idem) — "Затем поступило донесение: Новая гувернантка на редкость дотошная особа. Сэр Питт в ней души не чаёт".

В первом примере отрицательная коннотация объединяет фразеологизмы *take off under one's belt* и глагол *вылакать*, сопровождаемый в "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова пометой *презрит*. Во втором — фразеологизм *души не чають* передает одновременно и экспрессивную, и функционально-стилистическую (разговорную) коннотацию прилагательного *sweet* (в выражении *to be sweet on smb.*).

В этом весьма разнообразном репертуаре преобразований выделяются следующие категории: замена одних морфологических средств другими, замена морфологических средств синтаксическими, замена одних синтаксических средств другими и, наконец, замена морфологических и синтаксических средств лексическими и фразеологическими.

Некоторые операции ограничены одним уровнем языковой структуры. Сюда относятся, в частности, такие соответствия, как *живя в деревне...* — *living in the country...*, *вставая на рассвете...* — *on getting up at daybreak...* Подобные трансформации можно назвать одноуровневыми. В других случаях переводческая операция выходит за пределы исходного уровня. Так, для передачи смысла образованного Тэккереем сложного слова *Vanity-fairian* потребовалось словосочетание *посетитель ярмарки тщеславия*, для передачи морфологически выраженной коннотации слова *итиблетишки* потребовалось лексическое средство — *silly gaiters*, фразеологизм *take off under one's belt* был передан приставочным глаголом *вылакать*. Эту группу трансформаций следует отнести к межуровневым.

МОТИВЫ И ТИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОМ ПОДУРОВНЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Характеризуя денотативный аспект языковых значений, связанный с отношением единиц системы языка к внешнему миру, А.В. Бондарко справедливо отмечает, что "с каждой формой связана особая семантическая интерпретация (способ представления) мыслительного содержания" [Бондарко, 1986, 14]. Вопрос о различных способах семантической интерпретации внеязыкового содержания ставился еще в трудах В. Гумбольдта и А.А. Потемби в связи с внутренней формой слова, т.е. с признаком, лежащим в основе номинации. А.В. Бондарко включает в понятие семантической интерпретации мыслительного содержания следующие аспекты: 1) избирательность по отношению к явлениям внеязыкового мира, отражаемым в сознании людей; 2) модификации понятийной основы содержания в исторически сложившихся значениях

языковых единиц; 3) сочетания денотативных и коннотативных элементов значений; 4) различие дискретного и недискретного представления мыслительного содержания; 5) сочетание эксплицитных и имплицитных содержательных элементов; 6) конкретно-языковые проявления семантической категоризации (вариативности).

Указанные аспекты языковой семантической интерпретации мыслительного содержания рассматриваются А.В. Бондарко в связи с анализом семантики предела на материале русского языка. Однако думается, что предлагаемые им принципы семантического анализа внутрисистемных отношений, основанного на сопоставлении форм одного и того же языка, во многом применимы к изучению межсистемных отношений и к проявлениям этих отношений в процессе перевода. Так, например, основной причиной трансформаций на референциальном подуровне семантической эквивалентности, т.е. трансформаций, влекущих за собой известные модификации семантической структуры высказывания, является то, что А.В. Бондарко характеризует как избирательность языка по отношению к явлениям внеязыкового мира.

Сказанное относится, разумеется, не только к лексическим системам двух языков, но и к их грамматическим системам, также отражающим выделение различных признаков и различное членение внеязыковой действительности. В различиях исторически сложившихся грамматических значений находят свое проявление те модификации понятийной основы содержания, которые являются одним аспектом семантической интерпретации внеязыковой действительности. В качестве примера можно привести видовые формы английского и русского языков — оппозицию форм длительного и недлительного вида, основанную на характеристике действия в его течении и развитии или в отвлечении от этого признака [Смирницкий, 1959, 322] и оппозицию форм сов. и несов. вида, основанную на наличии или отсутствии такого признака, как достижение предела действия, устранение представления о его длительности [Виноградов, 1947, 497]. Несводимость этих двух различных способов членения действительности друг к другу требует в отдельных случаях использования лексических компенсирующих средств при переводе текстов, в которых видовые формы одного из языков противопоставляются друг другу. Вспомним известный пример, приводимый Дж. Кэтфордом: Что же делал Бельтов в продолжение этих десяти лет? Все или почти все. Что он сделал? Ничего или почти ничего (Герцен) — What did Beltov do during these ten years? Everything, or almost everything. What did he achieve? Nothing, or almost nothing [Catford, 1965, 75].

Как отмечалось выше, избирательность языков в отношении признаков, извлекаемых из внеязыкового мира, находит свое воплощение во внутренней форме слов. Так, растение, которое по-английски называется *tumbleweed* (т.е. 'падающая или опрокидывающаяся трава'), по-русски называется *перекати-поле*, бабочка *leopard moth* — *древесница*, цветок *snowdrop* — *подснежник*. Ср. также внутреннюю форму следующих русских слов и их английских эквивалентов: *подсвечник* — *candlestick*, *охотничья собака* — *gun dog*, *собака-поводырь* —

seemg-eye dog, *дикое яблоко* — crab-apple. Яркие расхождения обнаруживаются и во внутренней форме, основанной на вторичной номинации. Так, рисунок на ткани, который по-русски называется *елочкой*, по-английски называется *herring-bone* (pattern): *Он носит зеленый пиджак в елочку* — He wears a green herring-bone jacket. *Яичнице-глазунье* в американском варианте английского языка соответствует *eggs sunny side up*. Немало расхождений во внутренней форме, основанных на вторичной номинации, наблюдается в технической терминологии. Ср. *нажимной стакан* — pressure sleeve, *зажимная губка* — gripping jaw, *кабельная жила* — cable core, *палец прицепного шатуна* — wrist pin, *щека блока* — pulley face, *стыковка (космических кораблей)* — docking.

Избирательность по отношению к признакам явлений внешнего мира сказывается не только на внутренней форме слов, но и на способах семантической интерпретации действительности в рамках высказывания: Pressure from without needs to be redoubled in the coming weeks agamst that smister prospect as well — *В течение ближайших недель необходимо усилить нажим извне, чтобы сорвать и эти зловецкие планы*. Здесь ситуация в переводе отражается с помощью близких, логически связанных, но не всегда идентичных признаков (вместо prospect 'перспектива' — *планы*, вместо pressure agamst prospects — *нажим... чтобы сорвать эти планы*).

В некоторых случаях' речь идет о семантических сдвигах, определяемых данным конкретным контекстом. Иногда же в основе семантических трансформаций лежат специфичные для данных языков, регулярно в них используемые способы представления мыслительного содержания. Так, например, в английском языке формы длительного вида глагола *be* используются для обозначений действий и поведения, а не внутреннего состояния или чувств. Этим объясняется то, что в английском языке вполне приемлемы такие фразы, как *I'm being careful* — *Я веду себя скромно*; *You're being annoying* — *Вы меня раздражаете*, но не **I'm being happy* или **She's being tired* [Swan, 1984, 96].

Семантические трансформации на референциальном подуровне нередко восходят к расхождениям в структуре семантических полей. Так, в семантическом поле родства в русском языке в основу группировки понятий положены следующие признаки а) пол (*сын, дочь, брат, сестра* и т.д.), б) родство по восходящей линии (*отец, мать, дед, бабушка* и т.д.), в) родство по нисходящей линии (*сын, дочь, внук, внучка*), г) родство по боковой линии (*брат, сестра*) и др. Эти же признаки образуют структуру соответствующего семантического поля в английском языке. Однако различие между ними сводится к степени дифференциации. И в том и в другом поле присутствует признак "родство по браку". Однако в русском языке этот признак в свою очередь дифференцируется по следующим направлениям: а) по линии жены и по линии мужа (*отец жены* — *тесть*, *мать жены* — *теща*, *отец мужа* — *свекор*, *мать жены* — *свекровь*), б) по линии сына или замужней дочери, в) для отца или для матери мужа (*сноха* — *жена сына для его отца*, *невестка* — *жена сына для его матери*, *зять* — *муж дочери*). В английском языке

эти дополнительные дифференциальные признаки нейтрализуются. Поэтому англ. father-in-law — это и 'тесть', и 'свекор', mother-in-law — и 'теща', и 'свекровь', daughter-in-law — и 'сноха', и 'невестка'.

Отсюда возникает необходимость в генерализации при переводе на английский язык и в конкретизации при переводе на русский: Зятек тестюшку ублажает (Даль) — The son-in-law tries to please his father-in-law; My mother-in-law is a domineering person — *Моя свекровь — властный человек.*

Подобно тому как грамматические лакуны часто влекут за собой структурные трансформации при переводе, лексические лакуны вызывают необходимость в лексико-семантических трансформациях. Рассмотрим следующие примеры: Дома все состоит в моей воле, только отец, по обыкновению, дурачится. Но ведь это совершенный безобразник сделался (Достоевский) — At home what I say is law. Only father is playing the fool as usual, but then he's been behaving utterly disgracefully for some time... Ср. другой перевод: Father's making quite a fool of himself as usual, and has become quite a reprobate.

К числу лексических лакун относятся также рус. *чудак, чудачка*, см., например:

Оба переводчика пошли по пути передачи этой безэквивалентной лексической единицы путем выделения тех семантических признаков, которые, по их мнению, наиболее существенны для данной ситуации. И в том и в другом случае налицо семантический сдвиг. С точки зрения передачи экспрессивной коннотации второй перевод, по-видимому, ближе к оригиналу (в первом — отрицательная коннотация чрезмерно усилена). Данный пример свидетельствует о важности учета при переводе такого аспекта семантической информации, как соотношение денотативных и коннотативных элементов содержания.

К числу лексических лакун относятся также рус. *чудак, чудачка*, см., например:

Лизавета Прокофьевна становилась с каждым днем все капризнее и нетерпеливее, стала даже какая-то чудачка (Достоевский) — Mrs. Yeranchina was growing more capricious and impatient every year; indeed she was becoming quite an eccentric person.

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова значение слова *чудак* раскрывается как 'странный, чудной (т.е. 'необычный, заставляющий дивиться') человек'. Это значение частично перекрещивается со значением англ. eccentric ('peculiar, strange'), хотя полного тождества здесь нет: peculiar означает 'странность, вызывающую тревогу'. Думается, однако, что, несмотря на известную семантическую модификацию, перевод достаточно адекватно передает релевантные компоненты исходного смысла.

Отсутствие того или иного элемента в лексической системе одного из языков не является препятствием для переводимости — ведь перевод осуществляется не на уровне отдельных языковых единиц, а на уровне смысла высказывания и смысла текста. В масштабах высказывания часто возникает возможность использования для передачи тождественного смысла другой лексической единицы, связанной с первой теми или иными системными отношениями. Вспомним известный пример

семантической лакуны, приводимый Я.И. Рецкером. В английском языке существует антонимическая пара *inferiority* — *superiority*, из которой первое слово не имеет однословного соответствия в русском языке. Вместе с тем в переводе оказывается возможным передать эту безэквивалентную единицу через ее антоним (об антонимическом переводе подробнее см. ниже): *The adoption of the defensive does not necessarily mean weakness or inferiority of our troops* — Переход к обороне не обязательно означает слабость наших войск или превосходство противника [Рецкер, 1974, 49].

Иногда побудительной причиной трансформаций служат расхождения в семантической интерпретации, которые сводятся к дискретному или недискретному представлению мыслительного содержания. В качестве примера можно сослаться на семантические поля терминов цветообозначения, структура которых в русском и английском языках далеко не тождественна. Так, например, участок цветового спектра, охватываемый термином "purple" в английском языке, представляет собой continuum, простирающийся от красного до синего цвета. Так, словарь "Random thouse" определяет этот цвет как *any colour intermediate between red and blue*. В русском языке этот сегмент спектра представлен как совокупность дискретных цветообозначений: *фиолетовый, лиловый, пурпурный, багровый*.

Одним из основных факторов, влияющих на семантические трансформации, является сочетаемость. Последняя нередко принимает форму так называемого семантического согласования, определяемого В.Г. Гаком как наличие одного и того же семантического компонента в двух членах синтагмы и являющегося формальным средством организации высказывания [Гак, 1977, 25]. Ср., например: *In the mornings again Cora would stand at the open door of her cabin, brushing her grey hair with a slow brush (Bradbury)* — "И по утрам Кора вновь стояла у открытой двери лачуги, медленно расчесывая свои седые волосы". В данном случае ярко выступает подмеченная В. Г. Гаком черта семантического согласования — избыточность: дублирование семы "расчесывать" в глаголе *brush* и в существительном *brush* 'приспособление для расчесывания волос'. Такой способ построения высказывания чужд нормам русского языка, и поэтому избыточность (дублирование сем) в переводе снимается и оборот *with a slow brush* передается наречием *медленно*.

Нормы семантического согласования лежат в основе преобразований и в следующем примере: *...густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебряным дождем (Лермонтов)* — *The dense foliage of the bushes growing in the deep crevices of the cliffs showered a silvery rain upon us at the slightest breath of wind*.

В русском языке глагол *сыпать*, от которого образован приставочный глагол *осыпать*, означает 'заставлять падать что-н. сыпучее или какие-н. мельчайшие частицы' ("Толковый словарь русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова). Поэтому по-русски отмеченными фразами являются, с одной стороны, *сыпать зерно в мешок, сыпать сахарный песок* и, с другой — "Деревья... при каждом налете ветра сыпали с

себя брызги" (Чехов). Оксфордский русско-английский словарь переводит рус. *осыпать* как *strew (with), shower (on)*. Но *strew* означает 'разбрасывать', 'рассыпать по поверхности' и обычно иллюстрируется такими примерами, как *strew sand over the floor, strew seeds over the earth, flowers strewed the path* и т.п. В то же время в семантике глагола *shower* содержится сема "дождь" (см. его определение в словаре [Longman, 1978]: *to rain or pour down in showers*). Таким образом, фраза *the bushes showered a silvery rain upon us* отвечает признакам семантического согласования.

Так же как и на подуровне компонентной эквивалентности, на подуровне референциальной эквивалентности в число факторов, детерминирующих переводческие трансформации, входит коммуникативная структура высказывания ("актуальное членение предложения"). В предыдущем разделе мы касались этой проблемы в связи с трансформацией типа "актив—пассив" инвертированных русских предложений, тема которых, занимающая начальную позицию, выражена прямым или косвенным дополнением. В данном разделе речь пойдет о сходных предложениях, начинающихся с темы-обстоятельства. В английском языке фиксированный порядок слов, как уже отмечалось выше, не допускает столь же широкого и свободного использования инверсии для выделения темы и ремы, если не считать некоторых стилистически и семантически ограниченных случаев типа: *Over the liquor shelves hangs a row of wooden tablets in which the names of Irish cities and provinces are carved* — *Над уставленными бутылками полками висят дощечки, на которых выгравированы названия ирландских городов и провинций*.

В других случаях более жесткий порядок следования компонентов высказывания в английском языке компенсируется более широкой сочетаемостью существительных, выступающих в роли подлежащего, с глаголами, используемыми в качестве сказуемого: *In 1961 an airliner crash in Illinois killed seventy-eight persons; Bad weather brought Concorde 002 down on a sudden visit to London's Heathrow airport yesterday; The split in the Democratic Party elected Lincoln*. Сохранение в переводе той же семантико-синтаксической структуры невозможно. Ведь по-русски "катастрофа убила людей", "погода посадила самолет" и "раскол избрал президента" неотмеченные фразы. Субъектом предикатов, означающих активное действие, могут быть существительные других семантических классов, обозначающие не причину действия, а его агенса (ср. *Охотник убил медведя, Летчик посадил самолет, Народ избрал депутатов*).

Ввиду невозможности сохранения структуры исходного высказывания в переводе используется трансформация, в результате которой глагол заменяется его конверсивами (*bring down* — *совершить посадку, elect* — *прийти к власти, kill* — *погибнуть*), а подлежащее преобразуется в обстоятельство причины: *В 1961 году в результате авиационной катастрофы в штате Иллинойс погибло семьдесят восемь человек; Вчера из-за нелетной погоды самолет Конкорд-002 внезапно совершил посадку в лондонском аэропорту Хитроу; Благодаря расколу в демократической партии к власти пришел Линкольн*.

Сходным преобразованиям подвергаются и фразы, в которых в начальной позиции находится тема-подлежащее со значением места, способа действия и др.: В эту минуту я встретил ее глаза, в них бегали слезы... (Лермонтов) — At that moment our eyes met, and I saw that hers swam with tears; No amount of cover-up rationalizing, alibiing or ducking will avoid the inevitable day of reckoning — *Никакими уловками, оправданиями и увертками не удастся избежать неминуемой расплаты.* Здесь расхождение в конкретно-языковых проявлениях одной и той же категории ("актуального членения") во взаимодействии с другим фактором (расхождениями в сочетаемости) вызывают необходимость в указанных трансформациях.

Наконец, так же как и при обеспечении компонентной эквивалентности, здесь действует и функционально-стилистический фактор. Так, сохранение инверсии в предложениях типа Over the liquor shelves hangs a row of wooden tablets... (см. выше) характерно для перевода художественного текста; преобразование темы-подлежащего в тему-обстоятельство при переводе предложений типа Bad weather brought Concorde-002 down... часто имеет место при переводе газетного текста.

Воздействие перечисленных факторов на переводческие трансформации обычно не носит характера жесткой детерминации. Лишь в отдельных случаях переводчик сталкивается с ситуативно детерминированными устойчивыми речевыми формулами, сужающими его выбор, а порой даже делающими его однозначным. Так, председатель-американец, открывая заседание, скажет: "I call the meeting to order" или "The meeting will, please, come to order", тогда как русский использует устойчивую формулу: "Объявляю заседание открытым". В разговоре по междугородному телефону телефонистка предупредит вас: "Не вешайте трубку". Английские эквиваленты этой фразы — "Hold on" или "Hold the line." Английская предупредительная надпись на свежоокрашенной скамейке — "Wet pain". В той же ситуации у нас используется надпись "Осторожно, окрашено".

Во всех этих случаях выбор признаков, характеризующих данную предметную ситуацию, осуществляется в соответствии с узусом, устанавливающим относительно жесткие правила для данного коммуникативного акта. В обычных же случаях мы можем говорить лишь о некоторых вероятностных закономерностях или, вернее, предпочтениях, детерминируемых лексико-семантическими, коммуникативными, стилистическими и другими названными выше факторами.

Ниже будут рассмотрены некоторые типовые переводческие трансформации, характерные для референциального подуровня семантической эквивалентности. Прежде всего, следует отметить, что эти трансформации, характеризующиеся теми или иными модификациями семантической структуры высказывания, распадаются на два основных типа: лексические и лексико-синтаксические. Первые отличаются тем, что в них модификациям подвергаются отдельные лексические единицы, тогда как вторые требуют одновременных модификаций в лексико-семантической и синтаксической структурах высказывания. Начнем с семантических трансформаций, затрагивающих отдельные лексические единицы.

Выше, отмечая условность термина "трансформация" применительно к переводу, мы отмечали, что фактически речь идет об определенных отношениях между исходными и конечными формами. Поэтому для дифференциации различных видов семантических трансформаций удобно воспользоваться традиционной схемой семантических отношений принятой в семасиологии, где различаются гипонимические, гиперонимические, метонимические и метафорические отношения.

В основе трансформаций, построенных на гипонимических и гиперонимических отношениях, лежит известная семантическая закономерность, согласно которой для обозначения одного и того же объекта могут быть использованы языковые единицы более узкого, конкретного значения (гипонимы) и единицы более широкого, абстрактного значения (гиперонимы), например: *Old birds are not to be caught with chaff* — *Старого воробья на мякине не проведешь*.

Семантические трансформации, входящие в группу, характеризуемую отношениями между гипонимами и гиперонимами, различаются по направлению. Так, в приведенном выше примере наблюдается замена гиперонима гипонимом (*old bird* — 'старый воробей'). Такого рода трансформацию мы назовем гипонимической. В переводческой литературе для обозначения этого типа трансформаций используются также термины "конкретизация" и "сужение". Трансформацию противоположного направления (от гипонима к гиперониму) назовем гиперонимической. Ср., например, один из возможных вариантов перевода русской поговорки "яблоко от яблони недалеко падает" — *as the tree, so the fruit*.

Наконец, наряду с двумя указанными вертикальными направлениями (от гиперонима к гипониму и от гипонима к гиперониму) в пределах гиперо-гипонимической группы возможны трансформации и в горизонтальной плоскости — от одного гипонима к другому, мы назовем их интергипонимическими. Ср., например, перевод русского выражения *морской волк* английским *sea-dog*. Такого рода преобразования называются также "смещением", т.е. переходом от одного видового понятия (А) к другому (В) внутри общего родового понятия [Гак, 1977, 31].

Одним из частых мотивов гипонимических и гиперонимических трансформаций является наличие в одном из контактирующих друг с другом в процессе перевода языков так называемых широкозначных слов, т.е. слов с широким, недифференцированным значением, имеющих, как правило, целый ряд иноязычных соответствий, обозначающих более конкретные, частные понятия. Так, в английском языке важную роль в смысловой структуре высказывания играют широкозначные глаголы *get, take, give, have, make, do*.

Общее широкое значение, которое объединяет глаголы *иметь*, с одной стороны, и *брать, получать, давать, принимать* — с другой, определяется О.Н.Селиверстовой как объединение признаков пространственности и посессивности или "включения у в сферу посессивности х". Отмечая различия между русскими и английскими глаголами, охватываемыми этим общим признаком, О.Н.Селиверстова выделяет различия, связанные с диапазоном употребления, и сочетаемостные ограни-

чения, с одной стороны, и различия в принятом в данном языковом коллективе осмыслении денотативных ситуаций — с другой [Селиверстова, 1982, 30—33]. Так, английские глаголы *have, take, get, give* в значениях 'принимать' или 'давать еду или питье' заменяются в переводах глаголами более конкретного значения, т.е. подвергаются гипонимической трансформации. При этом выбор конкретного глагола в русском языке определяется правилами семантического согласования (см. выше): *Give me a little wine if you please, my dear Miss Briggs, and let us be friends* (Thackeray) — "Пожалуйста, налейте мне немного вина, дорогая мисс Бриге, и давайте будем друзьями"; *Get me some coffee* (Hemingway) — "Свари мне кофе".

В этих примерах выбор глагола детерминирован прямым дополнением (вино — налить, кофе — сварить). В других случаях (например, когда дополнение выражено местоимением, недостаточно точно указывающим на характер денотата) для нахождения соответствия широкозначному глаголу необходим более широкий контекст:

'Are you hungry?' I asked him.

'No', he said. 'You know I couldn't eat, Harry!'

'All right', I told him. 'You can have one' (Hemingway) —

" — Ты голоден? — спросил я его.

— Нет, — сказал он, — ты же знаешь, что я так не могу есть, Гарри.

— Ладно, — сказал я ему. — Глотни разок".

Иногда переводчик предлагает читателю два варианта конкретизации смысла широкозначного глагола: *'Will you like to take anything?'* (Thackeray) — "Не угодно ли чего-нибудь выпить или закусить?"

Сходные закономерности наблюдаются и при переводе на русский язык широкозначных *make* и *do*, конкретизация которых также определяется семантическим согласованием с дополнением: *'... Make coffee, if you want'* (Hemingway) — "... Можете сварить кофе, если хотите"; *'Are you writing a new book?'* — *'Yes. About half done'* (Idem) — " — А вы пишете новую книгу? — Да, наполовину уже написал".

Несколько иной процесс наблюдается при переводе с русского языка на английский существительного *вещь*. Среди многочисленных значений этого слова широкозначным является, в частности, то, за которым закреплена форма мн. числа. Это значение может быть определено как 'движимое имущество'. Оно охватывает такие денотаты, как *пожитки, одежда, платье, багаж*. Именно последний денотат актуален для следующего отрывка из лермонтовского "Героя нашего времени":

— Вы, вероятно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно, с казенными вещами —

"I suppose you are going to Stavropol?"

"Yes, Sir, I am... with some government baggage."

В ряде случаев техника гипонимических и гиперонимических трансформаций сводится к добавлению или к опущению дифференциальной семы, т.е. семы, отличающей значение исходной единицы от ее иноязычного эквивалента. При добавлении семы происходит конкретизация значения (сужение), а при опущении — генерализация (расширение): *And then comes the father who has nothing to do but*

pet them and steals their affection from her (Shaw) — "А потом является отец, который только баловал и портил их, и отнимает у нее любовь детей". Здесь глагол *отнимать* включает общую сему, ("архисему") двух глаголов — англ. steal и рус. "отнимать";! Если *отнимать* значит "лишать чего-л." то steal 'красть' означает» "лишать незаконно, тайком". Таким образом, "незаконно", "тайком" —4 это дифференциальные семы, различающие данные слова, семы, которые могут нейтрализоваться в переводе, что приводит к расширению значения исходной единицы. Побудительным мотивом трансформации являются сочетаемостные ограничения.

Гиперонимические трансформации представляют собой нередкое явление при переводе высказываний, содержащих приставочные глаголы: Наконец, с хор загрелась мазурка (Лермонтов) — Finally the mazurka started. Оба глагола (*загреться* и Start) содержат сему начинательности. В то же время в русском глаголе эта сема сочетается с другими, означающими 'производить громкий звук, звучать, грохотать громко, резко'. В переводе сохраняется лишь сема начинательности как наиболее существенная для данного контекста.

Ср. аналогичный пример гипонимической трансформации при переводе с английского языка на русский: The turkey carpet has rolled itself up and retired sulkily under the sideboard... (Thackeray) — "Турецкий ковер сам скатался и смиренно уполз под буфет". Здесь архисема удаления воплощена в английском глаголе retire. В русском варианте к ней добавляется дифференциальная сема "ползком", связанная с используемым автором стилистическим приемом — прозопопеей, т.е. приписыванием неодушевленным предметам свойств и признаков одушевленных.

Наконец, порой сохранение всех сем, содержащихся в исходной единице, при переводе может оказаться ненужным, поскольку широкий контекст делает его избыточным:— Ни за что не покажусь княжне, пока не готов будет мой мундир (Лермонтов) — 'I wouldn't show myself to the Princess for anything until my new uniform is ready.'

В "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова мундир определяется как военная или гражданская форменная парадная одежда с золотым или серебряным шитьем. Этому определению соответствует и перевод данного слова в "Oxford Russian-English Dictionary": full-dress uniform. Таким образом, в приведенном выше примере опущен признак "парадный". Однако если включить этот признак в перевод (I wouldn't show myself... until my new full-dress uniform is ready), то у читателя может сложиться впечатление, что Грушницкий не может явиться к княжне Мэри, пока у него нет именно парадной одежды. На самом же деле, как это следует из контекста, речь идет о том, что Грушницкому, произведенному в офицерский чин, не терпится появиться перед княжной в офицерской форме. Именно этот смысл вытекает из контекста и не нуждается в дальнейших уточнениях.

Интергипонимические трансформации нередко оказываются обусловленными ассоциативными связями того или иного слова в данной

культуре. Они нередко находят свое проявление в этнических стереотипах, получающих свое воплощение во фразеологии. Ср., например, английский фразеологизм *to take French leave* "уйти без прощания, незаметно", соответствующий фр. *partir à l'anglaise* "уйти по-английски". Ср. также фразеологизм *Dutch treat* "угощение, оплаченное каждым участником, складчина, "немецкий счет": "Will you have lunch with me?" "Sure, but I don't want you to spend your money on me. Well go Dutch treat" (О'Нара) — " — Вы со мной позавтракаете?"

— Но я не хочу, чтобы вы на меня тратились. Будем завтракать на немецкий счет".

Иногда интергипонимические отношения возникают на основе контекстуальных связей. Ср. следующий пример приравнивания рус. *мокрая курица* 'безвольный, бесхарактерный человек' и англ. *goose* 'глупый, простофиля': Все они теперь у меня такие, даже эта мокрая курица Александра (Достоевский) — *They're all like that now, even that silly goose Alexandra.*

Следующая группа трансформаций относится к категории метонимических. Как известно, метонимией называется троп, состоящий в том, что вместо названия одного предмета дается название другого, находящегося с первым в отношении "ассоциации по смежности". Именно эта ассоциация (т.е. отношения процесса и результата, материала и изделия, предметов, объединенных пространственными связями, — одно в другом, одно на другом и др.) наблюдается при метонимических трансформациях между исходной и конечной единицами.

Одной из наиболее характерных является ассоциация, построенная на причинно-следственных отношениях. Ср. следующие примеры: *If I took her to the Rectory, she would grow angry with us all and fly...* (Thackeray) — "Если я перевезу ее к себе домой, она со всеми нами переругается и сбежит";

"...My dear Miss Sharp, do sing it."

"Not now, Mr. Sedley," said Rebecca, with a sigh. "My spirits are not equal to it" (Thackeray) —

" — ...Дорогая мисс Шарж, спойте, пожалуйста.

— В другой раз, мистер Седли, — ответила Ребекка со вздохом, — мне сегодня не поется"; — В воду или под нож! — проговорил тот, наконец (Достоевский) — *'By drowning or the knife', said Ragozhin at last.*

В первом примере английская фраза *she would grow angry with us* переводится русской 'она со всеми нами переругается'. Наличие тесной каузальной связи между ними делает эти фразы взаимозаменяемыми в данной ситуации. В следующем отрывке фраза Ребекки *My spirits are not equal to it* 'Я не в настроении' передается с помощью логически вытекающей из нее русской фразы: "Мне сегодня не поется". И наконец, в последнем примере *drowning* является следствием действия, обозначаемого словами *в воду* ('броситься в воду' — 'утонуть').

Иногда причина и следствие как бы меняются местами. В качестве следствия выступает исходная форма, а в качестве причины — конечная, например:

— А не дать ли нам хозяйке покой? — высказался Топцкий, поглядывая на Ивана Федоровича (Достоевский) — "Shouldn't we allow the hostess to retire?" Totsky said, glancing at General Epanchin.

Среди множества метонимических трансформаций, выражающих причинно-следственные отношения, значительное место занимают те, в которых исходная и конечная формы объединены отношением "процесс—результат": *Inexpressible grief and pity and terror pursued him (Thackeray) — "Невыразимая печаль, жалость и страх овладели им"*.

При этом процесс и результат часто соотносятся друг с другом как действие и состояние: ...вот у палача одна нижняя пуговица заржавела (Достоевский) — ...one of the buttons on the executioner's coat is rusty.

Такие трансформации часто применяются, когда действие означает переход в качественно или количественно новое *состояние*: *Воздушные налеты начались с наступлением темноты, и города один за другим погружались в темноту под вой сирен воздушной тревоги и грохот зенитных орудий* — The air raids came at dusk, and one by one the towns were blacked out as air raid sirens wailed and anti-aircraft guns went into action; *С Елисейских полей доносится хриплый голос "Фигаро", которая страшает французов опасностью признания послевоенных европейских границ* — From Champs Elysees comes the scream of Le Figaro alerting the French to the danger of recognized post-war European boundaries; *Рабочие требовали увеличения заработной платы и сокращения рабочей недели* — The workers insisted on higher wages and a shorter working week.

Как видно из приведенных примеров, в этих преобразованиях используется широкий набор языковых средств: глагольный предикат *заржаветь* преобразуется в именную *be rusty*, активная форма *погружаться в темноту* — в пассивную *be blacked out*, отглагольное имя *признание* — в причастие *recognized*, отглагольные имена *увеличение* и *сокращение* — в сравнительные формы прилагательных *higher, shorter*.

Иногда метонимическая связь между исходным и конечным выражениями сводится к отношению между описывающими одну и ту же предметную ситуацию действием и признаком: Он извинился, говоря, что часы его уходят (Лермонтов) — He apologized saying that his watch was fast. Ср. также рус. *опоздать* и англ. *be late*.

Нередко признак, выражаемый в английском языке связочным предикатом состояния (типа *be nervous, be jealous* и др.) передается в переводе на русский язык с помощью глагольного предиката, означающего проявление этого признака (*нервничать, ревновать* и др.). Ср. следующие примеры:

U n d e r s h a f t . Alone! How fortunate.

L a d y B r i t o m a r t r i s i n g . Don't be so sentimental, Andrew! (Shaw) — "Андершафт. Ты одна? Какое счастье.

Леди Бритомарт (вставая). Не сентиментальничай, Эндрью".

В других случаях выражаемому в английском тексте признаку в русском соответствует действие, описываемое с помощью сочетания десемантизированного каузативного глагола и имени действия. Ср.: don't be melodramatic и *не устраивай мелодраму* в следующем примере:

'Don't be so melodramatic, Heien.'

'So I'm melodramatic, am I? Well, I'm not. I'm through with you.'

'No, you're not.' (Hemingway) —

" — Не устраивай мелодраму, Эллен!

— Это я устраиваю мелодраму? Ничего подобного. Просто я уйду от тебя.

— Нет, ты не уйдешь".

В этом же отрывке признак-состояние (I'm through with you) трансформируется в наступающее в результате этого состояния действие (*я ухожу от тебя*). Связь между исходной и конечной формами носит здесь одновременно и каузальный, и временной характер: I'm through и *я ухожу* — это по существу две фазы одного и того же процесса, следующие друг за другом.

В следующем примере также отмечается временная связь между действиями, описывающими данную ситуацию (рус. *бросилась* предшествует англ. *grabbed*): When she'd grabbed Angus Findhorn's manuscript, her only intent was to read the book (Gordon) — "В издательстве Эмили бросилась к рукописи Ангуса Финдхорна лишь с одним намерением — прочитать ее".

Метонимический сдвиг, лежащий в основе семантической трансформации, иногда строится на связи временных и пространственных отношений: She then walked through the front door of Impy and Smithers; quickly down the stairs and out into the day (Gordon) — "Затем вышла через входную дверь "Импи энд Смитзерс", стремительно спустилась по лестнице и оказалась на улице". Здесь метонимическая замена становится возможной благодаря ассоциативным связям. She walked... out into the day означает, что героиня рассказа вышла из темноты подъезда на залитую ярким дневным светом улицу. Так day, понятие временное, оказывается взаимозаменяемым с пространственным понятием "улица".

Другой тип метонимической трансформации основан на связи таких категорий, как место (пространство) и лицо, связанное с этим местом: ...but I'm a broken old man — ruined by this damned scoundrel and a parcel of swindling thieves in this country (Thackeray) — "Но я разбитый старик, разоренный этим проклятым негодяем и шайкой воров и мошенников... наших же англичан". В результате этой трансформации фраза, означающая в английском тексте некое пространство (in this country), заменяется фразой, означающей людей, находящихся в нем ('наших же англичан').

В некоторых переводческих трансформациях прослеживается тот случай метонимии, в основе которого лежат отношения между предметом и веществом, из которого он состоит. Ср. отношение "вода — nver" в следующем примере: Да не было бы меня, она бы давно уже в воду кинулась (Достоевский) — Why, if I wasn't here, she'd have thrown herself into the river long ago.

Особым типом трансформации является синекдохический. При этом речь идет не о синекдохе как о поэтическом тропе, одном из экспрессивных средств поэтической речи, а о синекдохе языковой или лексической, т.е. о способе номинации, при котором название целого заменяется названием его части или, наоборот, название части заменяется названием целого: И тогда в груди моей родилось отчаяние не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние (Лермонтов) — It was then that despair was born in my breast — not the despair that is cured with a pistol, but a cold impotent desperation (ср. *дуло пистолета* — pistol).

К этому же типу трансформации относятся весьма распространенные случаи, когда в одном из языков учреждение, организация или официальное лицо именуется по названию улицы или здания, где они находятся, а в другом — требуют прямой номинации. Ср. следующий пример, в котором название улицы в Нью-Йорке (Madison Avenue), где расположены крупнейшие американские рекламные агентства, обозначает сам рекламный бизнес: Many of the Madison Avenue stars were involved in the presidential campaign — «В кампании по выбору президента принимали участие многие "звезды" рекламного бизнеса». Ср. также: Fleet Street can make or break a politician (Longman) — "Английская пресса может сделать карьеру политическому деятелю или испортить ее"; What does Downing Street think? (Longman) — "О чем думает английское правительство?" Здесь название улицы, где расположены редакции большинства крупнейших английских газет (Fleet Street) служит обозначением английской печати, а улица, где находятся резиденции премьер-министра и канцлера казначейства, ассоциируется с правительством Великобритании.

Видное место среди семантических преобразований занимают метафорические трансформации, в основе которых лежат отношения сходства, аналогии. Весьма широко распространена, например, метафоризация, которая состоит в замене неметафорического выражения метафорическим: ...and here Jephson thought of Mason — let him counteract that if he can (Dreiser) — "Тут Джефсон подумал о Мейсоне: пусть-ка попробует отбить такой удар!" Причины этой трансформации в конечном счете кроются в семантической структуре английского глагола counteract. Его первое значение 'противодействовать, препятствовать' явно не соответствует контексту, а второе значение 'нейтрализовать' хотя и подходит по смыслу, но неприемлемо со стилистической точки зрения. Ср. также следующие примеры: Старая и жалкая шутка! (Лермонтов) — A threadbare witticism; — Завязка есть! — закричал я в восхищении, — об развязке этой комедии мы похлопочем (Лермонтов) — "The plot thickens," I cried in elation, "and we shall see to the denouement of the comedy."

В приведенных примерах речь идет о лексических (т.е. привычных, стертых) метафорах, которые не нарушают экспрессивной эквивалентности исходного и конечного высказываний. Так, threadbare 'изношенный, потрепанный' регулярно используется в переносном значении 'старый, избитый' (см. threadbare joke 'избитая шутка'). Устой-

чивостью характеризуется и словосочетание the plot thickens 'интрига становится все сложнее, заваривается каша'.

Нередко метафоризация сопровождается фразеологизацией исходного выражения, превращением его во фразеологическую единицу — обычно во фразеологическое единство: "...Don't be scared. You ain't no worse then the rest of us..." (Dreiser) — " — ...Не робей, мы тут все одного поля ягоды"; When Rawdon and his wife wished to communicate with Captain Dobbin at the sale, and to know the particulars of the catastrophe which had befallen Rebecca's old acquaintance, the captain had vanished (Thackeray) — "Когда Родон с женой... поспешили к нему, чтобы расспросить о катастрофе, обрушившейся на старых знакомых Ребекки, нашего приятеля уже и след простыл"; Everything was plentiful in his house but ready money (Thackeray) — "Дом его был полная чаша, в нем было все, кроме наличных денег".

Мотивы этих трансформаций различны. В "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова фразеологизм *одного поля ягода* сопровождается пометами *разг., фам.* Думается, что стилистическая окраска явилась в данном случае решающим критерием при выборе соответствия просторечной фразе в исходном тексте (you ain't no worse then the rest of us). В следующем примере выбор фразеологизма *и след простыл* продиктован безэквивалентной грамматической формой оригинала (плюсквамперфект) the captain had vanished 'капитан к тому времени уже исчез'. Наконец, в последнем примере решающую роль, по-видимому, сыграли сочетаемостные факторы (ср. неотмеченность в русском языке фразы 'Дом был обильный/изобильный').

Среди безэквивалентных форм, передача которых нередко влечет за собой фразеологизацию, следует отметить и уже упоминавшиеся выше русские приставочные глаголы с экспрессивной коннотацией: И, право, вся тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось, и талант просится, да воротник военный туго на крючок стянут — ...and, indeed, you can see the very soul of the military scribe peeping out: a desire to throw caution to the winds and give full play to one's talent but the military collar is drawn too tight around the neck. В этом отрывке рус. *разгуляться* 'дать себе волю, начать действовать свободно, без стеснений' приравнивается контекстуально к английскому фразеологизму throw caution (prudence) to the winds 'отбросить сдержанность, осторожность'.

Иногда причиной фразеологизации является "фразеологическая лагуна" (отсутствие фразеологической единицы) в исходном языке, где данный смысл выражается экспрессивно окрашенным переменным словосочетанием. Ср. следующий пример, где русской фразе *младенцев любит* (т.е. любит молоденьких женщин) соответствует английская cradle snatcher (от snatch или rob the cradle): Да это Афанасию Ивановичу в ту же пору: это он младенцев любит (Достоевский) — Why, that's the sort of thing Mr. Totsky would do: it's he who's the expert cradle snatcher.

Другим типом метафорической трансформации является реметафоризация — замена одной метафоры другой:

— Вы никого у них не видели сегодня?

— Напротив, был один адъютант, один натянутый гвардеец и какая-то дама из новопроезжих (Лермонтов) —

"You didn't meet anybody else at their place today, did you?"

"Yes, I did. There was an adjutant, a starched guardsman, and a lady, one of the new arrivals."

Здесь русская метафора, ассоциирующаяся с чем-то туго затянутым, напряженным, и английская метафора, основанная на переносе исходного значения 'накрахмаленный', приравниваются друг к другу в контекстуально-смысловой реализации — 'чопорный, скованный'.

Подобно метафоризации, реметафоризация часто представляет собой процесс, связанный с фразеологизацией, но если при метафоризации обычно происходит замена слова или свободного словосочетания фразеологической единицей, то при реметафоризации одна фразеологическая единица заменяется другой: ...and poor Sedley opened his pent-up soul... (Thackeray) — "...бедняга Седли излил перед ней душу..."; "I'm not the man to stand in my girl's light" (Dreiser) — "Не такой я человек, чтобы становиться своей дочке поперек дороги". В этом переводе английская фразеологическая единица *to stand in somebody's light* заменяется ее русским фразеологическим эквивалентом *стоять на чьей-л. дороге*, что связано с заменой метафор и лежащих в их основе образов ('заслонять кому-л. свет' и 'быть препятствием кому-н.').

Реметафоризация и связанная с ней смена образов часто применяются при переводе пословиц: *Who was the blundering idiot who said that "fine words butter no parsnips"?* (Thackeray) — «Что за враль и идиот сказал, будто "баснями соловья не кормят"?»

Однако перевод фразеологических единиц далеко не всегда влечет за собой реметафоризацию. Нередко метафора и лежащий в ее основе образ сохраняются. Это имеет место особенно часто при переводе так называемой интернациональной фразеологии, т.е. фразеологии, существующей во многих языках и восходящей к общему источнику — античной мифологии, Библии и др. (о переводе фразеологизмов см. [Кунин, 1984, 10—11]): *Don't think I don't appreciate what a Job it is to keep this stockyard clean. It's the Augean stables every day of the week* (Updike) — "Поверьте, я понимаю, что это значит — поддерживать чистоту в этом свинарнике. Настоящие авгиевы конюшни. И так каждый день"; *His was a voice in the wilderness. Mrs. Bunting ignored all protests* (Greenwood) — "Это был глас вопиющего в пустыне. Миссис Бантинг не обращала никакого внимания на его протесты"; *He said she wore herself out cooking and washing for so many men, and "the game is not worth the candle"* (Prichard) — "Она совсем извелась, стирая и стряпая, говорил он, и вообще игра не стоит свеч".

В первом примере общим источником английского фразеологизма и его русского эквивалента является греческая мифология, а во втором — Библия. В последнем примере и русский и английский фразеологизмы восходят к французскому *le jeu ne vaut pas la chandelle*.

Другим способом передачи фразеологических единиц без ремета-

форизации является дословный перевод, используемый в тех случаях, когда образ, лежащий в основе фразеологической единицы, настолько прозрачен, что он может быть сохранен в переводе. Побудительной причиной такого решения обычно служит отсутствие фразеологического эквивалента ("фразеологическая лакуна") в языке перевода:

— Волка бояться в лес не ходить! — с усмешкой заметила Настасья Филипповна (Достоевский) — "If one is afraid of wolves, one doesn't go into a forest", Nastasya Philippovna observed with a smile;

"I'll be damned if he isn't stealing most of my thunder," thought Mason to himself at this point (Dreiser) — " — Черт побери, а ведь он ворует мои громы и молнии, — подумал при этом Мейсон".

Наконец, еще один вид трансформаций образуют те, которые можно объединить под общим названием "деметафоризация". Сущность их заключается в том, что метафорическое выражение в исходном тексте заменяется неметафорическим в конечном. При этом неметафорическое выражение может обнаруживать самые различные отношения к метафорическому типу тех, которые были описаны выше в связи с метонимическими трансформациями. Ср. следующий пример, где эти отношения подпадают под категорию "состояние — действие": She stared out of the window, a world away (Gordon) — "Она смотрела в окно, думая о своем".

Однако чаще всего используется интерпретационный перевод, раскрывающий смысл метафоры в данном контексте: While the present Century was in its teens, and on one sunshiny morning in June there drove up to the great iron gate of Miss Pinkerton's academy for young ladies, on Chiswick Mall, a large family coach... (Thackeray) — "В одно ясное июньское утро начала нынешнего столетия к большим чугунным воротам пансиона для молодых девиц под началом мисс Пинкертон, расположенного на Чизвикской Аллее, подкатила... вместительная семейная карета".

Выражение *in one's teens* буквально означает 'в возрасте от 13 до 19 лет' (ср. *teenager* 'подросток, юноша'). В приведенном примере переводчик снимает метафору и расшифровывает ее денотативный смысл в данном высказывании: *начало нынешнего столетия*. Очевидно, речь фактически идет о втором десятилетии XIX в., но переводчик счел такую степень конкретизации излишней. В данном случае основным мотивом трансформации является безэквивалентность исходного выражения. Так же как и в других видах метафорического перевода, здесь часто фигурируют метафоры, экспонентами которых являются фразеологические единицы. При этом перевод является одновременно деметафоризирующим и дефразеологизирующим: снимая метафору, он заменяет фразеологическую единицу переменным неметафорическим словосочетанием, выражающим конкретный смысл.

— Плохое дело в чужом пиру похмелье, — сказал я Григорию Александровичу, поймав его за руку, — не лучше ли нам поскорее убраться? (Лермонтов) — "Bad business to get mixed up in this. I said to Grigory Alexandrovich as I caught him by the arm. 'Hadn't we better clear out as fast as we can?'"

Русский фразеологизм *в чужом пиру похмелье* 'неприятность из-за

других, из-за чего-н. постороннего' и английская фраза to get mixed up in this относятся друг к другу как следствие и причина. Аналогичные явления обнаруживаются в переводе и тогда, когда объектом преобразования являются компаративные фразеологические единицы. Ср. следующий пример, где рефразеологизация и связанная с ней замена образа сопряжены с заменой одного стертого, привычного сравнения другим: Ваш характер я считаю совершенно сходным с моим и очень рада: как две капли воды (Достоевский) — I consider that you have the same kind of nature as I have —we're as like as two peas. Ср. другой перевод этого же отрывка: I think your character is exactly like mine, and I'm glad of it —like two drops of water.

Попытка сохранить тот же образ, предпринятая известным английским переводчиком Д. Магаршаком, явно несостоятельна. Ее можно было бы считать оправданной лишь при наличии в английском языке "фразеологической лакуны". Однако на самом деле английская фразеологическая единица as like as two peas вполне адекватно передает смысл исходного выражения (перевод Ю.М. Катцера). Ср. также пример введения в текст сравнения в процессе фразеологизации исходной формы: Но, однако, что же удивительного в появлении князя? Дело ясное, дело само за себя говорит! (Достоевский) — But what's so surprising about the appearance of the prince? It's as plain as pikestaff. It speaks for itself.

До сих пор речь шла о лексико-семантических трансформациях в чистом виде. Наряду с ними существуют и комплексные трансформации, предусматривающие одновременные модификации лексико-семантической и синтаксической структур. К числу такого рода комплексных трансформаций относится так называемый "антонимический перевод". В теории перевода этот термин охватывает широкий круг явлений. Положенное в его основу понятие включает оба значения, охватываемые термином "антоним": 1) слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению, и 2) слова, противопоставленные друг другу как противоположно направленное действие [Ахманова, 1966, 50]. Антонимический перевод в первом значении назовем собственно антонимическим, а во втором — конверсивным.

Собственно антонимический перевод основан на простом логическом правиле, согласно которому отрицание какого-либо понятия может быть приравнено к утверждению семантически противопоставленного ему противоположного понятия. По сути дела, на внутриязыковом антонимическом переводе основаны такие словарные эквиваленты, как *неверный! ошибочный, невысокий I низкий, недалекий! близкий*. Наиболее часто антонимический перевод реализуется как замена языкового выражения (слова, словосочетания) его антонимом с одновременной заменой утвердительной конструкции отрицательной и наоборот. Комбинация лексико-семантической и синтаксической операций придает этому виду переводческой трансформации комплексный характер. Ср. следующий пример: Wie bald hat man hier den Wunsch, jemanden bei sich zu haben — How quickly do you get the wish not to be by yourself.

В этом отрывке из перевода немецкого рассказа на английский язык немецкая фраза *jemanden bei sich zu haben* 'иметь кого-л. рядом с собой' семантически противопоставлена английской фразе *to be by yourself* 'быть одиноким'.

Иногда необходимость в антонимическом переводе возникает при переводе фразеологизмов. Так, фразеологическая единица *keep a stiff upper lip* переводится в "Англо-русском фразеологическом словаре" А.В. Кунина как 'не терять мужества', 'не падать духом', 'не вешать носа'. Наряду с этими "отрицательными" вариантами приводятся "утвердительные" — 'сохранять присутствие духа', 'проявлять выдержку'. Выбор варианта определяется семантическими и стилистическими факторами. Ср. следующие примеры антонимического перевода этого фразеологизма: *I want you to keep a stiff upper lip, whatever happens* (Dreiser) — "Что бы ни случилось, отец, прошу тебя, не унывай"; *'You can talk all you want', suggested Jephson genially, 'So long as you don't say anything. And the stiff upper lip you know'* (Dreiser) — "Говорите, что хотите, — весело поучал его Джефсон, — лишь бы ничего не сказать. Не вешайте носа".

Думается, что и в том, и в другом случае *сохраняйте присутствие духа* или *проявляйте выдержку* было бы стилистически (а во втором случае и семантически) неприемлемо.

Для "антонимов", которые противопоставляются друг другу при антонимическом переводе порой характерна не столько полярная противоположность признаков, сколько противопоставление наличия данного признака его отсутствию: *'Not now, Mr. Sedley', said Rebecca with a sigh* (Thackeray) — " — В другой раз, мистер Седли, — сказала Ребекка со вздохом". В данном случае англ. *now* и рус. *в другой раз* противопоставят друг другу не как выражающие диаметрально противоположные понятия, а как контекстуально обусловленные "окказиональные антонимы", один из которых отрицает признак, выражаемый другим. В самом деле, *not now* как ответ на предложение или приглашение может означать любой неопределенный момент в будущем. Выбор варианта (*в другой раз*), по-видимому, мотивирован речевым этикетом: по-русски это вежливая формула отказа.

Порой антонимический перевод применяется при передаче "синтаксических штампов" типа *it was not until...: It was not until the old lady was ensconced in her usual armchair in the drawing-room... that the conspirators thought it advisable to submit her to the Operation* (Thackeray) — "Лишь после того, как старая леди погрузилась в свое обычное кресло в гостиной... заговорщики решили, что пора приступить к операции".

Конверсивные трансформации также характеризуются семантической противопоставленностью признаков. При этом, как правило, противопоставляются друг другу разнонаправленные действия (типа *убить — погибнуть, давать — получать* и др.). В результате такого рола замены актанта, о г которого исходит действие (т.е. его субъект), превращается в актанта, на которого это действие направлено (т.е. в его объект) или в обстоятельство, и наоборот. Таким образом, здесь, как и в собственно антонимическом переводе, лексико-семантическая

трансформация сопровождается трансформацией синтаксической. Ср. следующий пример: — Я не хотел с вами знакомиться, — продолжал я, — потому что вас окружает слишком густая толпа поклонников, и я боялся в ней исчезнуть совершенно (Лермонтов) — "I did not wish to meet you", I continued, "because you are surrounded by too great a crowd of admirers and I was afraid it might engulf me completely." Здесь исходное выражение, где глагол *исчезнуть*, обозначающий действие, субъектом которого является лицо, ведущее повествование, заменяется противоположно направленным действием *engulf*, объектом которого является то же лицо.

Одним из наиболее частых побудительных мотивов, заставляющих переводчика прибегать к конверсивным трансформациям, являются различия в языковой реализации коммуникативной структуры (актуального членения) высказывания.

Общеизвестна зависимость степени жесткости порядка слов от наличия или отсутствия в языке развитой системы падежных флексий. Так, в русском языке и в германских языках флексивно-синтетического строя (например, в немецком) при обычном развертывании коммуникативной структуры высказывания (от темы к реме) часто используется инвертированный порядок слов (VS) с вынесенным на первое место второстепенным членом предложения (дополнением, обстоятельством) в позиции темы (OVS, Adv VS): *В Москву прибыла делегация японских парламентариев. Интересный вывод сделал из этого один из наблюдателей* — *Einen zweiten Schwerpunkt bildet die Suche nach Wegen... Auf der Grundlage der bisherigen Darlegungen können wir den Kommunikationsprozess etwa folgendermassen beschreiben...*

Среди синтаксических средств, сигнализирующих о соотношении *i* между темой и ремой высказывания, важнейшая роль принадлежит порядку следования его смысловых компонентов. С точки зрения коммуникативной организации высказывания существенным является не столько его грамматическое оформление, сколько линейная последовательность его компонентов [Черняховская, 1976, 24—38]. Эта последовательность образует своего рода матрицу, которая может заполняться разными формальными элементами предложения. Отсюда возникают синонимические отношения между высказываниями, имеющими различную синтаксическую структуру, но сохраняющими один и тот же порядок развертывания компонентов коммуникативной структуры. Интересные примеры такого рода синонимии в русском и немецком языках приводит М.М. Гухман: *Новые дома строят у нас тщательнее и быстрее* — *Die neuen Häuser baut man bei uns sorgfältiger und schneller; Новые дома строятся у нас тщательнее и быстрее* — *Die neuen Häuser werden bei uns sorgfältiger und schneller gebaut* [Guchman, 1976, 28-29].

Иначе обстоит дело в языках аналитического строя, таких, как английский, где фиксированный порядок слов выполняет грамматическую функцию, аналогичную функции падежных флексий в языках синтетического строя, и где возможности инверсии гораздо ограничней.

Вместе с тем в английском языке существует компенсационный механизм, которого мы уже касались выше, говоря о причинах семанти-

ческих трансформаций. Этот механизм позволяет шире использовать прямой порядок слов, при котором тема совпадает с подлежащим, а рема — с глаголом-сказуемым. При этом семантический диапазон глаголов, сочетающихся с подлежащим (агенсиом), характеризуется значительно большей широтой, чем у языков с относительно свободным порядком слов и широко разветвленной системой морфологических маркеров падежных отношений: Every hour and every minute document the monstrous crimes committed by the imperialists against the newly liberated peoples; The coming campaign must see the smashing of the National Front vote.

В этих примерах наблюдается смысловой сдвиг, который можно было бы назвать "персонификацией": подлежащему-существительному со значением неодушевленного предмета приписывается роль источника действия, которое обычно ассоциируется с одушевленным предметом. В английском языке в качестве подлежащего-агенса при глаголе со значением активного действия, каузирующего определенное состояние, могут выступать существительные со значением процесса, состояния, события, места, времени, а само предикативное ядро высказывания может выражать каузальные, темпоральные, пространственные и иные отношения.

Для перевода подобных высказываний применяются конверсивные трансформации, в ходе которых глагол заменяется его конверсивом, а подлежащее-агенсиом — обстоятельством времени, места, причины и т.п. В то же время порядок развертывания коммуникативной структуры от темы к реме остается неизменным. Ниже приведены соответствующие примеры английских предложений, переведенных на русский язык:

(1) Bad weather brought Concorde-002 down on a sudden visit to London's Heathrow Airport yesterday — *Вчера из-за нелетной погоды самолет "Конкорд-002" внезапно совершил посадку в лондонском аэропорту Хитроу.*

(2) The fog stopped the traffic — *Из-за тумана остановилось движение транспорта.*

(3) Excitement made the sergeant's voice almost unrecognizable — *От возбуждения голос сержанта стал почти неузнаваемым.*

(4) A survey of 1,100 soldiers in the 173rd US Airborne Division revealed that nearly one third of the men smoked marihuana — *Во время опроса 1100 солдат 173-й американской воздушно-десантной дивизии выяснилось, что около трети их употребляет марихуану.*

(5) The editorial says... — *В передовой статье отмечается...*

Разумеется, приведенные примеры перевода допускают известное варьирование. Так, предложение (1) может быть переведено на русский язык и следующим образом: *Нелетная погода была причиной внезапной посадки "Конкорда-002" в лондонском аэропорту Хитроу.* Однако такой перевод оказывается возможным лишь благодаря тому, что в нем снимается персонификация и в текст включается эксплицитное указание на каузальные отношения (быть причиной). Ср.: **Нелетная погода посадила самолет.*

Если рассматривать соотношение между двумя моделями коммуникативной организации высказывания (с занимающим начальное

положение второстепенным членом предложения, выражающим тему, и с подлежащим в аналогичной функции), то немецкий язык с более развитой системой падежных флексий, чем английский, но с менее развитой, чем русский, занимает как бы промежуточное положение между ними. В большинстве случаев в немецком используется модель, сходная с русской с той лишь разницей, что для выражения разнонаправленности действия в нем, как правило, используется противопоставление действительного и страдательного залогов. Ср. перевод (1): Die Concorde-002 wurde gestern durch Unwetter zu einer plötzlichen Zwischenlandung in London-Heathrow gezwungen.

Однако в некоторых случаях, когда русский язык допускает лишь модель Adv VO (Chapter 8 discusses some general considerations — В восьмой главе рассматриваются некоторые общие положения), немецкий язык санкционирует оба варианта (In Kapitel 8 werden allgemeine Gesichtspunkte behandelt; Kapitel 8 behandelt allgemeine Gesichtspunkte).

Описанные выше трансформации на референциальном подуровне семантической эквивалентности далеко не всегда встречаются в чистом виде. Выше приводились примеры применения демегафоризации, сопровождаемой гиперонимическим преобразованием (*while the present Century was in its teens... — начало нынешнего столетия*). Сочетания различных типов трансформаций нередко встречаются в рамках одного и того же предложения: *'It kept me awake last night, and I was trying to hum it this morning in bed..'(Thackeray) — "Я не спал из-за вашего пения всю ночь, а сегодня утром в постели все еще пробовал припомнить мотив". It kept me awake last night... — "Я не спал из-за вашего пения всю ночь..."* — интересный пример синтеза двух типов переводческих трансформаций — собственно антонимической и конверсивной. Здесь мы находим, с одной стороны, противопоставление антонимов (*awake — спал*), а с другой — элементы конверсивного перевода: объект исходной фразы (*те*) превращается в субъект конечной (*Я*). Кроме того, в том же предложении мы находим метонимическую трансформацию: *I was trying to hum it... — "пробовал припомнить мотив"*.

Подытоживая сказанное выше, следует отметить, что среди побудительных причин трансформаций на референциальном подуровне особо выделяются избирательность языка по отношению к явлениям внеязыкового мира, расхождения в структуре семантических полей, в семантической интерпретации одних и тех же отрезков внеязыковой действительности, в сочетаемости языковых единиц, в способах выражения коммуникативной структуры высказывания, стилистические факторы. Основные трансформации на этом подуровне сводятся к следующим типам: гиперонимическому (частное—общее), гипонимическому (общее—частное), интергипонимическому (замена одного частного понятия другим в пределах одного общего понятия), синекдохическому (часть—целое), метонимическому (причина—следствие, действие — результат, действие—признак, временной признак—пространственный и др.), метафорическому, антонимическому — собственно антонимическому и конверсивному, а также к различным комбинациям этих типов семантических и структурных трансформаций.